

Б И Б Л И О Т Е К А
ХРОНОГРАФ

Евгений Ю. Додолев

Влад Листьев

**ПОЛЕ ЧУДЕС
В СТРАНЕ ДУРАКОВ**

Москва, 2017

УДК 82-94
ББК 85
Д60

*Автор выражает признательность за помощь в работе над книгой:
экс-коллегам Владислава Листьева — Татьяне Дмитриковой,
Сергею Ломакину, Александру Политковскому;
своим коллегам — сотрудникам канала «Москва-24» (Дмитрию Жмелькову,
Татьяне Луговых, Айсель Магомедовой),
а также редакторам «Нового Взгляда»
(Александру Алейникову & Наталии Максимовой).*

Додолев, Е. Ю.

Д60 Влад Листьев. Поле чудес в стране дураков / Е. Ю. Додолев.
М.: РИПОЛ классик / T8RUGRAM, 2017. – 462 с. –
(Библиотека «Хронограф»).

ISBN 978-5-519-50543-7

Автор, которого, кстати, сам герой повествования публично называл «некомандным игроком», утверждает: за убийством Влада Листьева стояли Борис Березовский и Аркадий (Бадри) Патаркацишвили. По мнению Евгения Ю. Додолева, об этом знали и соратники убитого, и вдова. Однако, поскольку Александр Любимов и Альбина Назимова продолжали поддерживать отношения с пресловутыми заказчиками расстрела на Новокузнецкой, им не с руки признавать этот факт. Ведущий ежедневной программы «Правда-24» (по определению «Комсомольской правды», ключевого проекта ТВ-канала нового поколения «Москва-24») с некоторыми из своих гостей беседовал и о жертве, и о тех, с кем Влад конфликтовал; фрагменты этих теле-разговоров вошли в книгу, жанр которой Михаил Леонтьев определил как «собрание перекрестных допросов».

УДК 82-94
ББК 85
BIC BGF
BISAC BIO025000

© Евгений Ю. Додолев, 2014
© ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2014
© T8RUGRAM, 2017

ISBN 978-5-519-50543-7

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ: ИЗ РЕЦЕНЗИИ АНДРЕЯ ДОБРОВА

Один мой знакомый писатель сочинял книгу о своих друзьях-литераторах. Напишет главу о ком-то — и тут же с ним рассорится. Не потому, что писал гадости, нет. Писал он хорошо и, скорее всего, правду. Но люди знаменитые, кажется, очень ревнивы к прошлому. И в первую очередь к своему частному прошлому, которое не всегда вписывается в их нынешний статус.

Листьева застрелили весной 1995-го. Но до сих пор в России он остается настоящей иконой. И если книги о живых могут вызвать ревность живущих героев, членов их семей, знакомых и поклонников, то рассказ о человеке-иконе опасен тем, что автора начнут проклинать почти все, в случае если этот рассказ отходит от понятия каноничности. Даже если о реальной жизни знаменитости практически никто ничего не знает.

Евгений Додолев в своей новой книге делает именно это. Отходит. Причем довольно далеко.

Казалось бы, что такого — за последние годы было написано много статей, в которых дерзкие авторы то соскабливали, то просто срывали позолоту с образа первого гендиректора ОРТ. Но целью Додолева вовсе не было обличить, соскоблить, вызвать сомнения и подозрения. Он признает тот факт, что Влада Листьева застрелили в 95-м, и даже отводит много места в книге и самому убийству, и тому, что произошло после. Но на самом деле эта книга не о Листьеве. Она о Перестройке. Еще точнее — о Перестройке на Центральном телевидении. И наверное, место этой книги (в будущем) — на полке учебников по журналистике — как по фактуре, в ней собранной, как по осмыслению этой фактуры, так и по стилю. Евгений Додолев пишет, как говорится, «с яйцами», — из текста так и «прет мужик». И поэтому автор часто принимает правила чисто мужской игры — описывая не столько людей, участвовавших в Перестройке ЦТ, сколько образы, которые они в тот момент создавали. Это были яркие, жесткие образы, вполне в духе рассказа Додолева о тогдашнем процессе. Например, он вспоминает, как Александр Любимов в одном из интервью говорил, что был бы весьма доволен, если бы подчиненные втихаря называли его Гитлером. На самом деле Любимов об этом вовсе не мечтал — он сказал так именно потому, что хотел в СМИ выглядеть жестким и немного беспринципным телевизионным боссом. Я это знаю потому, что описанное выше интервью Любимов давал накануне одной из наших встреч, он потом смеялся, вспоминая эту фразу. Любимов действительно в тот момент был довольно жестким боссом,

но ничего такого, что выходило бы за рамки нормально-го телебоссовства.

Может быть, именно из-за этой субъективности и из-за этих правил игры в образы Владимир Мукусев, когда мы обсуждали книгу Додолева, сказал, что в принципе Женя пишет правильно, хотя многие выводы, детали и события у него неверны, — наверное, потому, сдержанно сказал Мукусев, что Женя не работал во «Взгляде» с самого начала. И вообще прошел в чем-то по касательной и к процессу, и к героям.

Мне же лично кажется, что написать историю Перестройки ЦТ так, чтобы каждая строчка была звенящей от правды и содержала ссылки на уважаемые и общепризнанные источники, просто невозможно. Сколько было участников процесса, столько и было правд. Мало того, чем дольше шел процесс, тем дальше расходились люди, а значит, и их правды. Они были как выстрел из пушки картечью, — из дула под воздействием импульса вылетели кучно, а потом их разнесло во все стороны.

Додолев фиксирует тот процесс, когда картечь начала уже веером расходиться в пространстве. Но для Листьева этот процесс расхождения прервался так рано, что образ Листьева — гендиректора ОРТ не успел перекрыть образ Листьева — ведущего самой популярной информационно-аналитической программы перестроечного телевидения.

За кого голосовал бы Владимир Высоцкий, доживи он до нынешних дней? Что сказал бы об «арабской весне» Джон Леннон, не продырявь его четыре пули Марка Чэпмена? Какие комменты к демотиваторам мог бы оставлять в «Фейсбуке» Дмитрий Лихачев? Кем был бы сейчас Листьев, не погибни он на ступенях лестничной клетки на

Новокузнецкой улице в Москве? Звезда, чтобы светить ярко, должна умереть в полном расцвете сил — таков жестокий закон славы.

Если мне еще интересно, как проходила Перестройка ЦТ, я имею счастье знать лично большинство персонажей книги Додолева, то для моих детей и это время, и эти имена — пфук! Ненужные детали при изучении учебника истории современной России. Грустно, но это реальность. Так что эта работа Евгения Додолева — скоропортящийся товар. Может быть, не настолько, как телевизионные новости, но тем не менее я бы посоветовал прочитать ее как можно скорее.

ОТ АВТОРА

Сколько угодно Александр Хинштейн может величать Владислава Листьева мелким хищником, которого слопал более крупный — Борис Березовский; для меня Влад останется самым выдающимся из телевизионщиков конца XX века, который во многом заложил основы современного ТВ, которое (нравится оно кому-то или вовсе нет) ничуть не уступает лучшим мировым образцам.

Сколько угодно могут сравнивать застреленного главу Первого канала (ОРТ) с другими убитыми журналистами (Анной Политковской, Дмитрием Холодовым, etc.); мне очевидно, что его журналистская деятельность не могла спровоцировать расправу 1 марта 1995 года.

Сколько угодно листьевские «совзглядовцы» Александр Политковский и Владимир Мукусев могут утверждать, что Владислав не состоялся как журналист; у меня нет никаких сомнений, что он был самым талантливым и щедрым отечественным телепродюсером 90-х.

Сколько угодно самый харизматичный из «первой тройки» «Взгляда» Александр Любимов может называть убитого коллегу «мой Владик»; я помню, что за год до роковых выстрелов на Новокузнецкой улице, оборвавших жизнь «зарвавшегося», эти двое просто перестали разговаривать друг с другом и расположились по разные стороны «останкинской» баррикады.

Сколько угодно могут следователи выстраивать «семейные» версии покушения и подозревать вдову Альбину Назимову и/или кого-нибудь из других совладельцев компании «ВИД»; уверен, что, хотя ситуация у супругов была непростая и более чем жесткая, ни один из близких к Листьеву людей не был способен на кровавую подлость.

Я никого не идеализирую. Владислава в том числе. Был он непростым. Был отчасти чужим для своих коллег. Своим для миллионов зрителей тоже был отчасти. Был честным по отношению к ровне, однако любой менеджер 90-х играл по правилам, которые не могут быть признаны социально-одобряемыми. Рассказывать ли о том, что с нынешних позиций может быть расценено как коварство, обман, нелояльность? Да, буду. Расскажу. Тем, кто способен смоделировать тогдашнюю систему координат, будет очевидно, что Листьев делал то, что должен был. Поэтому был обречен на игру в эту смертельную рулетку, которая не столь нарядна, как барабан «Поля чудес», собранный вручную. Другая тема, иные ставки. Влад проиграл. Россия проиграла. Мы все тогда проиграли.

Хотя все начиналось еще в СССР. В октябре 1987 года был поставлен в эфир премьерный выпуск безымянной

молодежной передачи, которая потом, с подачи зрителей-энтузиастов, получила название «Взгляд». Простое название стало отправной точкой непростой истории, впечатляющего феномена СМИ, вцементированного в набухшие рекордами страницы Книги Гиннесса. Ибо стала эта программа подлинной Легендой. И не было ей равных. И нет. И похоже, не будет. Ни по рейтингу, ни по результативности, ни по пафосу. Для самой великой державы мира те пятничные вечера стали мерилom Свободы. Много воды с тех пор утекло. Воды соленой, как слезы, пот и кровь.

Здесь рассказано не только о звездных соратниках блистательного Влада Листьева. В этой книге упомянуты и неизвестные публике персоны. Имена некоторых если и знакомы, то лишь близкому кругу. Но эти люди сыграли свою роль в судьбе того, кого в компании звали Листом. Они были им ценимы и любимы. И конечно же, ценили и любили Владислава. Как и вся держава, впрочем. За исключением, как ни странно, тех немногих, кто в глазах зрителей как раз и был другом легендарного ТВ-ведущего, кто персонифицировал Команду.

Влад не был жадным ни до денег, ни до славы. Закрытым — был, чужим, повторю, был — при всей своей репутации рубахи-парня. Его воспринимали хмельным разудалым гусаром, в меру циничным и безмерно обаятельным. Беспечным и удачливым. На самом же деле у него все было тяжелым: роды, детство, служба, брак, спорт — и далее, вплоть до остановки по адресу Новокузнецкая, 30, строение 2, где два выстрела поставили жесткое двое-точие.

Да, он жадным не был. Но считал, что вправе брать в долг и не отдавать. Общий, глобальный недуг звезд. А Влад, конечно, был мегазвездой. До славы не жадной. Славы этой, получившей по заслугам своим. И он остался молодым. Вечно молодым.